

Мировая история знает не так уж много примеров высокопоставленных фальшивомонетчиков, которые были привлечены к уголовной ответственности по закону. Виновными в фальсификации почти всегда признавались мелкие исполнители: монетных дел мастера и их подручные или просто-напросто обыкновенные “шутники” . Средневековая Англия в эпоху правления Генриха Первого – лишь небольшое исключение из общего правила.

Правом чеканки государственных монет пользовались тогда король и его вассалы - крупные лендлорды, герцоги, графы, бароны. Они должны были изображать на деньгах своих монетных дворов собственную печать или геральдический знак. Однако искушение пополнить кассы не вполне праведным образом было слишком велико. При этом содержание металла в монетах фальсифицировалось, а сами они получали опознавательные знаки монет господина другой территории.

Генрих Первый (правивший в 1100—1135 гг.), судя по всему, не был склонен оправдывать крупное мошенничество своих подчинённых титулами и честным именем рода . Так, в рождественский вечер 1125 года он собрал в Винчестерском замке владельцев всех английских монетных дворов, которые должны были доказать чистоту своих монет. Всего приглашённых оказалось около полутора сотен. По-видимому, некоторым это удалось, так как только 96 гостей покинули Винчестер однорукими.

Генрих I и в самом деле был озабочен искоренением фальшивомонетного промысла в Англии. Он предпринял две крупные акции: в 1108 и 1125 годах. Об этом сообщают современники короля Флорентин Вигорненский, автор хроники событий вплоть до 1118 года, и Генри Хантингдон, описывавший события до 1154 года. Правда, в этих хрониках нет ни слова о том, что среди пострадавших оказался хотя бы один знатный англичанин. Флорентин сообщает, что разоблаченным фальшивомонетчикам, подделывавшим мелкие монеты, “выкалывались глаза и отрезались половые органы”. Генри, который не склонен превозносить деяния своего короля, описывая события 1125 года, говорит, что стоит прислушаться к тому, как жестоки распоряжения короля. Он (Генрих) пришел к

мысли, что всем мастерам монетного дела в Англии, кто тайно подделывал монеты, следует отрубать правую руку.

В хронике Джона Уорчестера, охватывавшей события с 1118 по 1140 год, подтверждается сообщение Флорентина, что монетным мастерам, схваченным в Англии за чеканку фальшивых монет, по эдикту короля отрубается правая рука и отрезаются нижние части туловища.

Генрих I вошел в историю Англии как мудрый законодатель. Если к тому же учесть, что он активно боролся за власть с баронами, то логично предположить, что позже народная молва распространила подобные королевские наказания и на них.

В годы правления Эдуарда III (1327—1377 гг.) имел место инцидент аналогичного рода. Это дело аббата Массандрона, который практически не скрывая выпускал фальшивые монеты. У самого Эдуарда были подобные трудности на собственном монетном дворе, к тому же, он был убежденным противником папства. Это и решило судьбу предпринимателя в сутане. Из камеры пыток Массандрон попал прямо на виселицу. Между тем это были исключения.

Немецким вариантом на тему беспощадной генриховской борьбы с фальсификацией монет были действия Рудольфа Первого.

Император Рудольф I в рейхстаге в Майнце в 1285 году провозгласил подделку монет тяжким преступлением, караемым беспощадно. Наказуемы и сознательный сбыт, и укрывание фальшивых монет, а также укрывательство фальшивомонетчиков в замках знати. Император Альбрехт Второй возобновил этот эдикт в 1438 году (в рейхстаге в Нюрнберге). В эдикте говорилось, что человек, пойманный на самовольной выплавке монет, подлежит суровому наказанию, как и его господин.

Очевидно, от императора нельзя было ожидать слишком многого, он не мог противопоставить себя целой орде своих рыцарей, которая нарушила мир в его владениях. Выборочные наказания взбудоражили бы и без того внимательно присматривающихся к происходящему жителей. Так, господа, виновные в фальсификации денег, в большинстве случаев просто каялись в своих грехах и торжественно обещали впредь не подрывать чеканку монет своего сюзерена. Граф фон Вид, например, обязался никогда не чеканить монет и не позволять делать это в своих владениях.

Вероятно, господа держали данное слово. Однако 40 лет спустя отпрыск Филиппа фон Изенбурга, проходившего по делу фальшивомонетчиков, Эберхард фон Изенбург оказывается пойманным за фальшивомонетничество. Но и он отделывается данными трирскому архиепископу Куно заверениями, что никогда, тайно или явно, не будет заниматься или поручать заниматься чеканкой монет.

Один из редких случаев наказания высокопоставленного фальшивомонетчика известен нам из истории Франции начала XV века. В течение долгих лет графиня Иоанна

Булонская и Овернская в подвале собственного замка в Тулузе в специально оборудованной мастерской чеканила поддельные монеты, лично наблюдая за работой своих ремесленников. В 1422 году ее мастерская была обнаружена. Предприимчивая графиня оказывается за решеткой, ее дальнейшая судьба неизвестна.

Мы не знаем того, какая участь постигла подручных графини. Но вряд ли им повезло больше, чем монетных дел мастерам английских баронов при Генрихе I , которые по приказу своих господ занимались подделкой монет.

В дальнейшем чеканщики монет “поумнели”, они стали запасаться письменным распоряжением своих господ на изготовление фальшивых денег, снабженным их печатями. Именно так поступил в 1350 году монетных дел мастер Якоб Швет из Кенигсберга.

Маркграф Бранденбургский Людвиг I 12 июля 1347 г. ввел новый монетный порядок. Из марки серебра (куска серебра весом 14,5 лотских унций) изготовлялось теперь 28 шиллингов и 4 пфеннига, всего 340 пфеннигов. В указе Людвига говорилось о том, что никто, ни христиане, ни иудеи, не должны делать монет и если кто будет пойман за этим занятием, будет судим как фальшивомонетчик и повешен.

Любые действия самого маркграфа, связанные с выпуском монет, по тому же указу имели законную силу при поддержке государственного совета и совета сословий. В нашем случае ведение денежного хозяйства определялось именно советом сословий (за два года до этого совет сословий отклонил порядок устранения системы ежегодного изъятия монет и выпуска новых, открывавшей возможности ухудшения качества монет). Но доходы, получаемые в ходе изъятия монет, уже не удовлетворяли Людвига. 1 января 1350 г. он приказал Якобу Швету, не определяя веса монет и содержания в них серебра, чеканить из марки серебра 35 шиллингов или 420 пфеннигов. Три дня спустя мастер получил и письменное распоряжение.

Это распоряжение, сделанное за спиной совета сословий, было открытым фальшивомонетничеством. Людвиг приказывал монетному мастеру из Кенигсберга превратиться в фальшивомонетчика, если вспомнить его же закон двухлетней давности. Якоб Швет мог, вероятно, уклониться от выполнения этого приказа. Но, конечно, своя рубашка ближе к телу, да и откуда он мог знать, согласовано ли решение маркграфа с кем бы то ни было или нет. Во всяком случае, он принял приказ к исполнению и взялся за чеканку.

Почти год в маркграфстве ходили фальшивые пфенниги, пока 30 ноября 1350 г. совет сословий не предъявил обвинения Якобу Швету в подделке денег. Якоб смог доказать, что действовал по указанию маркграфа. И все равно суд решил, что виновен именно Якоб Швет, и выслал его из страны.

В тех случаях, когда можно было доказать, что фальшивомонетчик действовал ради личного обогащения, судьи теряли бдительность. Здесь же надо было всего-навсего ответить на вопрос – как именно?

Мастер монетного двора и его помощники издавна относились к числу самых опытных ремесленников. Повседневное общение с драгоценными металлами, которое доверялось им, покрытые тайной для большинства людей средневековья и начала нового времени выплавка и легирование металлов, а главное — сверхъестественная власть над людьми золота и серебра ставили чеканщиков монет в особое положение в тогдашнем обществе. К тому же мастера монетных дел по своему статусу не входили в цеха и имели дело непосредственно с правителями или с магистратом. Особенно тщательно города следили за тем, чтобы их монетных дел мастера имели рекомендации и во всяком случае происходили из полноценных семей, по крайней мере не были внебрачными детьми, прошли положенное четырехлетнее обучение. Лишь после этого на правах подмастерьев они вступали в братство чеканщиков монет.

Работа гравера, выполнявшего рисунок на образце монеты, с которого делали отпечатки, доверялась особенно искусным и почетным мастерам работы по золоту. В Нюрнберге XVI века таким гравером был Венцель Ямнитцер (1508—1585 гг.), ставший названным членом Большого совета и действительным членом Малого совета этого города. Дело отца продолжил его сын Ганс.

Письменные свидетельства говорят о том, что чаще всего мастер-монетчик и его подмастерья являлись единственными фигурами, замешанными в подделке монет. Конечно, ни в какие времена этот вид преступлений не был исключительной привилегией только одной профессиональной группы. Тем большая опасность исходила от этих преступлений для городов, для герцогств, княжеств и графств, для всей империи.

Строгие предписания для монетного ремесла во многих местах с течением времени становились более гибкими благ даря, прежде всего, неутихающему стремлению местных властей нарушить имперские правила. Местный властитель предпочитал видеть на своем монетном дворе не столько беспрекословно честных, сколько понятливых людей.

Указ императора Максимилиана II (правившего и 1564—1576 гг.) от 13 октября 1571 г. должен был в очередной раз навести порядок в монетных дворах. По этому указу привилегии подмастерьев-монетчиков должны были распространяться только на тех, кто прошел обучение исключительно в указанных имперских мастерских. Но к этому времени ни один из правителей не был готов действовать в соответствии с этими предписаниями. Подмастерья лишь приносили присягу соблюдать имперские правила чеканки монет, а уже в следующем веке на княжеских монетных дворах появились представители других профессий. В свою очередь, и некоторые мастера монетных дел сменили свою профессию.

Естественно, на первых порах этот процесс в меньшей степени затронул города, находившиеся в непосредственном подчинении императору. Они следовали принятым в империи правилам чеканки монет вплоть до начала Тридцатилетней войны, когда, обгоняемые событиями, присоединились к этому недоброму занятию, чтобы не упустить последней возможности выжить.

Нет материалов для сравнений, которые позволили бы выявить местности, где промысел подделки денег был наиболее распространен. Мы можем только показать, как со временем постоянно растут количество монетных преступлений, власть и влияние буржуазии и потребность в деньгах. Из документов городского совета и других нюрнбергских хроник мы узнаем, что между 1414 и 1584 годами только в этом городе было раскрыто 20 случаев изготовления фальшивых монет, в которых участвовали монетчики, мастера по золоту, менялы, владельцы постоялых дворов, один ткач, один оружейник, один мясник, один художник и т. д.

При Карле Великом, во времена, когда деньги играли и хозяйстве страны сугубо второстепенную и незначительную роль, удовлетворялись тем, что разговаривали с разоблаченным фальшивомонетчиком сквозь зубы, в худшем случае ставили ему клеймо на лоб. Возникший в начале XIII века свод законов Саксонии — самый значительный юридический документ средневековой Германии — дает уже совершенно иные оценки: “Если монетчик изготовляет фальшивые монеты с тем, чтобы пустить их в оборот, он рискует своей шеей”. Речь шла о виселице. В Китае за те же преступления живьем закапывали в землю, в Японии распинали на кресте.

Уже к концу XIII века к фальшивомонетчикам стали применяться еще более жестокие наказания. У Данте мы читаем о горькой жалобе мастера Адама из города Брешиа, урожденного англичанина, о его страданиях в аду, куда он попал с костра, на который, в свою очередь, его привела стезя фальшивомонетчика. Сюжет заключался в том, что Адам по поручению графов Гвидо, Алессандро и Агинольфо из Романьи подделывал золотые гуль дены с изображением Иоанна Крестителя с содержанием золота в 3 карата вместо 21 и за это был публично сожжен в 1281 году. В суде его высокопоставленные хозяева отказали ему в поддержке. Даже в аду мысли о мщении не покидают Адама. Он знает, что Гвидо из Романьи уже в аду. Но Адам, мучимый жаждой, уже не способен сделать ни шага, адская справедливость свершилась.

С экономическим прогрессом и расширяющейся торговлей буржуазия все больше осознает опасность, носителем которой является фальшивомонетничество. “Фальшивомонетчик грабит духовенство, господ и всех людей и является самым злостным вором”, — говорится во Фризском праве. Нанесение ущерба собственности и имуществу, а также подрыв доверия общества к деньгам — вот основные пара метры подхода к разбирательству подобных преступлений и приговоров по ним. Ужесточение наказаний против “обворовывающих весь честный мир”, как говорилось в комментариях к законам города Гамбурга, происходило, прежде всего, под влиянием буржуазии, без того изрядно натерпевшейся от денежных махинаций знатных господ.

В Германии города и крупнейшие феодалы карали фальшивомонетчиков по своим собственным законам или по законам, распространявшимся на союзы городов (например, Любекское право), хотя эдикты императоров, принимавшиеся рейхстагами, предписывали определенные нормы на казания. Единого имперского уголовного права еще не существовало, но смертная казнь предусматривалась везде. Различались лишь способы умерщвления: петлей, топором, костром, кипящей водой и т. д.

Лишь в 1532 году на рейхстаге в Регенсбурге принимается единое для всей Германии уголовное уложение — кодекс Карла V , известный также как “верёвочное право”. В ст. 136 этого кодекса дается развернутое толкование фальшивомонетного промысла: 1) подделка внешних данных монеты, 2) использование нечистого металла, 3) облегчение веса монет. Изготовителей фальшивых монет карали сжиганием заживо на костре. Те же, кто имел сведения о фальшивомонетчиках или участвовал каким-либо образом в их махинациях, подвергались наказаниям от тюрьмы до виселицы.

Любопытна и ст. 111 кодекса Карла V , которая устанавливает, что наказанию подлежит не только сам фальшивомонетчик, но и организатор промысла. При этом, несмотря на некоторую невразумительность для современного читателя средневековых формулировок, в них совершенно отчетливо прослеживается разница между степенью риска фальшивомонетчика-ремесленника и фальшивомонетчика-господина. Если первому грозила мучительная публичная смерть, то “господин” лишь утрачивал свое право чеканки монет.

На самом деле практика переплавки хороших монет началась задолго до этого. Она известна нам еще со времен Римской империи, даже раньше — с самых первых шагов чеканки монет. Легирование металлов всегда вдохновляло и государственных мужей, и частных лиц на снятие навара с чеканки монет.

Источник: Банкир.uz